

4) знание субстанциально, оно дополняет физическое и психическое в любом объекте и в Мироздании в целом.

Высшей целью познания становится обретение человеком счастья. Для достижения означенной цели в науке и в образовании должны пройти глубокие перемены. Имеющиеся знания о внешнем мире важно дополнить знаниями о имеющемся не раскрытом потенциале человека, о том, что всякое внешнее действие сопровождается определенным изменением в нем самом. И такие изменения должны стать предметами познания и само-освоения, начиная от раннего возраста

### Список литературы

1. Петрова Г.И. Когнитивный поворот современной фундаментальной науки и формирование когнитивной компетентности в университетской образовательной практике // Вестник науки Сибири. 2011. № 1 (1). С. 529-532.

2. Али-заде А.А. Когнитивный поворот в обществе и социально-гуманитарных науках. (Обзор). DOI: 10.31249/NAUKOVED/2021.01.01 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал (Информационно-аналитический журнал). 2021. № 1. С. 54-71.

3. Разумов В.И. Методология в условиях когнитивного поворота // Омские научные чтения. Материалы VII Всероссийской научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. Омск, 2025. С. 261-268.

4. Разумов В.И. Когнитивный поворот: актуальность, содержание, телеология и аксиология // Омские научные чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции (Омск, 30 января – 28 февраля 2026 г.) : в 2 ч. – Омск: Издательство Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, 2026. ISBN 978-5-7779-2758-3 Ч. 2. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. ISBN 978-5-7779-2760-6. С. 204-210.

5. Поппер, Карл Раймунд. Логика и рост научного знания : избр. работы / К. Р. Поппер; сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. – Москва : Прогресс, 1983. – 605 с.

6. Ладенко И.С., Разумов В.И., Теслинов А.Г. Концептуальные основы теории интеллектуальных систем (систематизация методологических основ интеллектики). / СО РАН Ин-т Философии и Права. Отв. ред. И.С. Ладенко. – Новосибирск, 1994. – 270 с.

7. Разумов В.И., Сизиков В.П. Развитие философской логики и математической философии с примером анализа категории И. Канта // Философия: история и современность. 2004-2005: Сб. науч. тр. Ин-т философии и права Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН / Новосиб. гос. ун-т / Омский гос. ун-т. – Новосибирск – Омск, 2005. С. 14-40.

8. Колумбаев Б.Е. Избранные труды: В 2 т. – Т.1. Третий человек: поиск, установление, преодоление человеческого в человеке / Под науч. ред. Б.И. Карипбаева – Караганда: Изд-во КарГУ, 2011. – 269 с.

9. Колумбаев Б.Е. Антроподицея: Монография / Б.Е. Колумбаев. – Караганда: Изд-во Кар-го нац.-исслед. ун-та. 2024. – 491 с.

УДК: 17

## ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ВСЕЛЕНСКОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ Б.Е. КОЛУМБАЕВА: ТВОРЧЕСТВО ЧЕЛОВЕКА В КОСМИЧЕСКИХ МАСШТАБАХ

**Раисов А.М.**

докторант кафедры философии,  
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева  
г. Астана, Казахстан  
e-mail:mr.assar@bk.ru

Философский проект Б.Е. Колумбаева представляет собой последовательную попытку радикального преодоления антропо - и радиоцентризма, доминировавших в классической мысли. Исходным пунктом его рефлексии выступает констатация кризиса современности, ввергающего человека в «капкан» линейного времени и трехмерного пространства [1, с. 45]. В современном мире человеческое существо, согласно мысли философа, либо редуцируется до абстрактной единицы, функции социальной системы, либо, напротив, возводится в состояние гордыни антропоцентризма, стремясь подчинить себе мир [1, с. 67]. Данный раскол фундирует феномен третьего человека -

существа, экзистенциально зажатого между дочеловеческим, природным, эгоцентричным и сверхчеловеческим, духовным, тотальным [1, с. 89]. Однако для Колумбаева эта третьность конституирует не приговор, но исходную точку для трансцендирования. Подлинное решение проблемы человеческого бытия лежит не в плоскости общественных отношений, которые всегда двойственны и промежуточны, а в вертикальном измерении - в движении от бытия к духу [1, с. 102]. Именно здесь обретает свою остроту проблема вселенского предназначения человека. Вопреки господствующему технократическому оптимизму, величие человека усматривается мыслителем не в его власти над миром, но в способности к самоограничению, самоотвержению и творческому преобразению [2, с. 56]. Творчество, по Колумбаеву, становится тем экзистенциальным актом, в котором конечное, социально-обусловленное существо прорывается к бесконечности, обретая масштаб, соизмеримый с космосом.

Колумбаев начинает с жесткой критики редукции человека к «совокупности общественных отношений» [1, с. 112]. Хотя формально эта марксистская формула и обладает определенной валидностью, содержательно она, по мысли автора, заводит исследователя в тупик антиномий: индивидуальное против тотального, субъектное против субстанциального. В общественных отношениях человек «уплощается», превращаясь в «точку приложения внешних сил» [1, с. 115]. Его подлинная глубина - глубинное бытие, то, что не задействовано в социальном развитии, - остается нетронутым. Подлинная реальность человека находится на пределе этих отношений. «Человек поэтому односторонним не бывает... И открытие человека в том и должно заключаться, чтобы одновременно оживить его в посясторонних, онтологических корнях и утвердить в запредельных духовных высотах» [1, с. 118]. Эта двухвекторность - укоренение в бытии, вниз, в истоки, в дочеловеческое и возвышение в духе, вверх, в перспективу, в «сверхчеловеческое») - и задает космический масштаб его философии. Вселенское предназначение не есть нечто, данное свыше в готовом виде. Оно проистекает из самой структуры человека как существа, которое «идет впереди мира» [1, с. 134]. Человек - это проект, набросок, «упреждающая субъективность» [1, с. 136]. Его мера - не обладание миром, но его непрерывное открытие. И в этом открытии он сталкивается с предельной задачей: «не подминать мир под себя... нужно, а освобождать его от себя» [1, с. 140]. Для понимания колумбаевской концепции творчества необходимо эксплицировать ключевые категории, которыми он описывает вселенское бытие человека. В традиционном понимании пространственно-временной континуум подчиняет время пространству, делая его измеримым, исчисляемым и, в конечном счете, «пропадающим» в вещности мира [3, с. 27]. Колумбаев предлагает иную онтологию: топос есть лишь одно из определений хроноса. Базовой онтологической схемой для него выступает «хроно-топос» - сложное, нелинейное взаимодействие времени и пространства в человеческом существовании, где хронос довлеет над топосом, выступая модусом вечности [3, с. 45]. Подлинное бытие человека разворачивается не в пространстве, поглощающем время, но во времени, которое «временится из будущего» [3, с. 48]. Фундаментальное значение имеют дистинкции «оттуда-сюда» и «отсюда-туда», задающие векторную структуру человеческого существования в его космическом измерении [3, с. 52]. «Оттуда-сюда» - это вектор, указывающий на априорную укорененность человека в ином, на его происхождение «не от мира сего» [3, с. 53]. Это время, которое не течет из прошлого в будущее, а ниспадает из вечности. «Отсюда-туда» - это вектор творческого устремления, направленность человека за пределы наличного мира, его самопревосхождение, ответный порыв человека, стремящегося претворить полученный дар в бытии [3, с. 55].

Колумбаев подчеркивает: «Оттуда-сюда всегда есть, отсюда-туда не есть, потому и витается в облаках, что не есть здесь и тут же, а все вне себя и над собой» [3, с. 58]. Человек существует в напряженном поле между этими векторами, и творчество есть способ их согласования, момент, когда «отсюда-туда» открывается навстречу «оттуда-сюда». «Хроно-топос человека» - это способ его присутствия в мире, где хронос является определяющим, а топос - лишь местом встречи с ним. «Сам человек и есть бытие в сознании пространства как времени, что значит: в прошлом-будущем. Но при этом не из прошлого в будущем... а наперекосьяк: из будущего в прошлое, что и есть настоящее, действительность» [3, с. 67]. Именно в этом развороте времени сокрыта тайна человека: он застаёт себя не как производное от прошлого, а как проект, идущий из грядущего. Человек в «мире сем», в отчужденной реальности цивилизации, предстает как «ничтожная точечность», «точечный индивид» [4, с. 112]. Это состояние, в котором душа «еле-еле в теле», а дух «бродит где попало» [4, с. 115]. В этой точке, сжатой социальными ролями и предметными отношениями, человек не имеет себя, он есть «присутствующее отсутствие» [4, с. 117]. Однако именно эта «провальность», это ничто, является необходимым условием для подлинного открытия. «Вместе с человеком в мир приходит ничто» [4, с.

120]. «Ничто» - это не просто пустота, но потенциальная свобода, точка опоры для «душевно-духовного возвышения» [4, с. 123].

Вопреки экзистенциалистской трактовке ничто как ужаса, Колумбаев видит в нем необходимую, отправную точку творчества. Ничто не есть пустота, а есть «точка зрения», сжатая до предела телесность, «дно души», где человек оказывается перед необходимостью выбора [4, с. 130]. «Ничто - не цель «творчества», а «антроподицеи?!...» Оно в самоцельности человека достигается к его оправданию в тавтологии «Я есмь Я» [4, с. 135]. Творчество отправляется от ничто и к ничто возвращается, но это возвращение не есть исчезновение, а обретение подлинной самоцельности. Важнейшей категорией, связанной с ничто, выступает «тавтология истины». Колумбаев противопоставляет тавтологию логическому дискурсу: «Тавтология не дискурсивна, это понятно. Она не протянута в пространстве. Но потому-то она и есть схваченное мгновение, в котором разверзается человеку в человечестве, пространно-престранным образом вселенски» [4, с. 142]. Тавтология «Я есмь Я» не есть пустое повторение, но указание на ту первоначальную самость, которая не может быть выведена из чего-либо иного. В тавтологии схватывается ничто как основание бытия: «Я = Я и есть ничто, из которого и отправляется в творчестве» [4, с. 145]. Тавтология оказывается тем языком, на котором человек говорит о своем вселенском существе, минуя опосредования общественной сущности. «Тавтология и есть истина бытия человека, и она в антроподицеи тут как тут, всегда и заведомо должна иметь место» [4, с. 148]. В философии Колумбаева творчество предстает не как род деятельности и не как производство нового, но как способ бытия, в котором человек реализует свою причастность вселенной [2, с. 78]. Мыслитель выстраивает триаду: Деятельность - Общение - Творчество. Деятельность - это сфера освоения времени, внешнего, массового человека. Общение - центральное, «промежуточное» звено, сфера интерсубъективности [2, с. 89]. Творчество же - это «снятие времени», прорыв. «Лишь в творчестве человек совпадает со своей общественной сущностью» [2, с. 92]. Творчество есть «отправление от ничто к открытию времени» [2, с. 95]. Это определение глубоко нетривиально: творчество не создает вещи во времени, но открывает само время как измерение вселенского бытия человека. Время, о котором идет речь, не есть хронологическая последовательность мгновений. Это «время оттуда-сюда», время как судьба, как дар свыше [2, с. 98]. Творчество есть усилие уловить это время, сделать его своим, перевести из вертикали «оттуда-сюда» в горизонталь «отсюда-туда». В этом смысле творчество оказывается медиацией между вечностью и временем, между вселенной и человечеством.

В философии Колумбаева ключевым механизмом творчества - это преодоление превосходства «Другого». Колумбаев переосмысливает гегелевскую диалектику господина и раба. В творческом акте «бедная сторона» (раб, ограниченный индивид) не уничтожает «превосходящую сторону», а достигает превосходства над ней, но не над ней как личностью, а над той ограниченностью, которую она воплощает [2, с. 112]. «Автор - самое, что ни на есть, смертное из смертных существ», и именно это осознание собственной конечности, смертности, «ничтожности» становится источником дерзновения [2, с. 115]. Творчество - это всегда риск и выход за пределы. «Творец умирает в своих произведениях. Его смерть есть начало новой жизни - духовных и материальных ценностей» [2, с. 118]. В творчестве индивидуальность не утверждает себя эгоистически, но сжигает себя, жертвует своей единичностью ради обретения тотальности. Автор утверждает что драма творчества разворачивается в поле напряжения между душой и духом. Душа, конечная и интимная, испытывает на себе давление времени-судьбы. Именно душа является тем уникальным органом, который способен уловить временной поток «оттуда-сюда». «Душа во времени от вечности», - пишет Колумбаев, подчеркивая, что ее конечность - это не ограниченность, но способ присутствия перед лицом бесконечного [4, с. 210]. Дух, напротив, изначально безличен и принадлежит пространству, миру «между» людьми. В обыденности они разведены: душа спит, а дух, отчужденный, блуждает в социальных связях. Творчество есть акт их гармонизации, который Колумбаев обозначает термином «душевно-духовное самостояние» [4, с. 215]. Это состояние, в котором душа человека, преодолевшая свою зажатость в телесности, открывается навстречу духу. «Душа в духе опосредствует разум в «ничто» и из «ничтошной точечности» человек раскрывается, возвышаясь в душевно-духовном самостоянии» [4, с. 220]. Их соединение и есть то самое состояние, в котором человек обретает способность к космическому полету - не физическому, но метафизическому.

Важнейшим эмпирическим подтверждением своей теории Колумбаев полагает сновидения. Сон для него - это не отдых, а «действительность души», пространство, где душа, освобожденная от диктата дневного разума, вступает в контакт с вечностью [3, с. 178]. Во сне мы видим не иллюзии, но подлинную структуру нашего бытия-в-мире. Кошмары, с этой точки зрения, - не патология, но тупики мысли, демонстрация тех пределов, которые ставит перед душой не преодоленная еще телесность [3,

с. 182]. Сон предваряет творчество, готовит к нему, но само творчество требует возврата наяву, чтобы добытое во сне претворить в реальность [3, с. 185].

Одной из наиболее оригинальных концепций Колумбаева является учение о «самоцельности тела» [4, с. 280]. Тело не есть просто организм или инструмент, но та конечная форма, в которой человек встречается с бесконечностью. «Дело / все---таки в теле?!...» - эта риторическая вопросительность указывает на фундаментальность телесного измерения [4, с. 283]. Самоцельность тела означает, что тело не есть средство для чего-то иного, но само есть цель. В творчестве эта самоцельность раскрывается, тело перестает быть просто физической данностью и становится «душевно-духовным». Колумбаев пишет: «Тело одухотворяется оттуда-сюда / в самостоянии из единичности» [4, с. 288]. Это одухотворение не есть отрицание телесности, но ее преобразование, включение в более высокий порядок бытия. В космических масштабах тело человека оказывается той точкой, где сходятся бесконечность вселенной и конечность индивидуального существования. Творчество в этом контексте есть способ одухотворения тела, его включения во вселенскую гармонию. Каким же образом индивидуальное жертвование себя выводит человека на космический уровень? Ответ Колумбаева фундирован его концепцией «идеальной тотальности» и «свободной индивидуальности» [4, с. 310]. Свободная индивидуальность - это не абстрактная единичность и не обособленное «Я». Это результат преодоления социальной заданности, способность быть «несказанным», уникальным. Она проявляется в «самоотвержении», в отказе от себя как от отдельного, эгоцентричного существа. Идеальная тотальность - это не абстрактное всеобщее, нивелирующее всех. Это способ бытия, в котором человек вмещает в себя все многообразие мира, становится «миром», «всеединством». Это «звезда человека», загорающаяся на небосклоне его мира [4, с. 315]. Путь к тотальности лежит через индивидуализацию, но не через самость, а через самоотдачу. «Индивидуальность есть самоотвержение человека, самоотдача его другим как отдельного индивида. Только «сжигая» себя в этом качестве, человек творит, т. е. является индивидуально-тотальным... существом» [4, с. 318]. Парадокс, по Колумбаеву, заключается в том, что, полностью отдавая себя миру, человек обретает мир в себе. Он становится «микрокосмом», в котором отражается макрокосм. Свободная индивидуальность - это не просто личность, развитая гармонично и всесторонне, а тот, в ком «топос Мы вмещается в хронос Я» [4, с. 322]. Это человек, который взял на себя ответственность за все человечество («Мы-имярек человечества») и, возвысившись до вселенского состояния, светит другим как звезда. Переход от «точечности к звездности» - вот формула антропологической эволюции по Колумбаеву [4, с. 325]. Это и есть вселенское предназначение: не завоевывать Вселенную, расширяя вовне свою ограниченную субъектность, но стать тем местом, где Вселенная осознает себя. «Человек астральное (звездное) существо» [4, с. 328]. Достижение этого состояния требует «опосредования смертью». Физическая смерть перестает быть простым биологическим концом. Она становится метафорой и реальностью творческого акта - «умирания при жизни» ради рождения в духе [4, с. 332].

Центральная категория философии Колумбаева - «несказанность» человека. Это не мистическая тайна, но выражение того факта, что подлинное человеческое бытие всегда ускользает от конечных определений. «Где нет проблем, там нет человека. Где нет тайны, там нет и духа. Где нет загадки, там нет и души. Если человек понят, то, следовательно, он убит» [2, с. 215]. Наука всегда имеет дело лишь с «примером», с усредненным, социально-сконструированным индивидом [2, с. 218]. Несказанность прорывается именно в творчестве, когда человек действует «надситуативно» [2, с. 220]. Особый интерес представляет диагноз, который Колумбаев ставит современной эпохе. Это эпоха «конца познания» и торжества информации [2, с. 235]. Познание завершилось, замкнувшись в субъект-субстанциальности и обернувшись самопознанием, которое привело к обнаружению «ничто» в самом человеке.

Информация - это «степень упорядоченности системы», мир, где время свернуто в пространство, где все доступно, но ничего не истинно [2, с. 240]. В этом мире человек превращается в «точного индивида», атомизированную единицу, лишенную душевной глубины. Это состояние глобального сна, из которого, по убеждению философа, человечество должно пробудиться [2, с. 245]. Именно в этой кризисной точке становится актуальной фигура Космополита. Космополит у Колумбаева - это не «гражданин мира» в политическом или экономическом смысле, но метафизическая фигура. «Космополитство... допустимо как душевно-духовное состояние человека» [2, с. 250]. Это человек, в котором индивидуальная душа берет на себя ответственность за всеобщий дух. Это «свободная индивидуальность, долженствующая к идеальной тотальности» [2, с. 252].

Космополит - это тот, кто, пройдя через горнило познания и достигнув своего «ничто», дерзает ответить на вызов вселенной. Его творчество - это не самовыражение, но служение. Он принимает на себя «зло мира», чтобы, преодолев его в себе, явить миру добро [2, с. 255]. В этом контексте ключевой

становится сентенция «все повторяется впервые» [2, с. 270]. Это не циклизм, но формула творческого акта.

Каждое подлинное творчество, каждый миг встречи с вечностью есть абсолютная новизна, хотя он и возвращает человека к его истокам, к его «прародине» в вечности. Творчество есть возвращение, но возвращение с приобретением. Человек уходит «отсюда-туда», чтобы вернуться «оттуда-сюда», обогащенным опытом трансценденции [2, с. 273].

Ключевой тезис Колумбаева состоит в том, что творчество нуждается в завершении, которое он называет антроподицеей. Антроподицея - это оправдание человека, совершаемое не через внешний суд, но через внутреннее завершение творческого пути. «Антроподицея и есть творческое открытие истины человека в ничто» [4, с. 350].

Отношение между творчеством и антроподицеей диалектично. С одной стороны, творчество подготавливает антроподицею: «Творчество - пропедевтика или пролегомен, или феноменология, а в общем, абстрактно видимо предварение как проба, попытка самооправдания от души в духе человеку из человечества» [4, с. 355]. С другой стороны, антроподицея превосходит творчество, завершая его в том, что не может быть завершено в самом творчестве: «Творчество приходит к ничто, антроподицея спасает из ничто» [4, с. 358].

Завершение творчества в антроподицее есть переход к мудрости. Мудрость, по Колумбаеву, не есть знание или добродетель, но состояние «из ничто во всё» [4, с. 370]. Он пишет: «Мудрость и есть разрешённое из тавтологии истины вселенское состояние человека» [4, с. 372]. В мудрости человек уже не творит в смысле производства нового, но пребывает в полноте бытия, где все уже есть и ничего не нужно прибавлять.

Это состояние Колумбаев описывает через категорию «одновременности». Одновременность не есть физическая синхронность, но метафизическая со-временность человека и вечности. «Одновременность - вот стезя антроподицеи» [4, с. 380]. В одновременности снимается различие между «отсюда-туда» и «оттуда-сюда», и человек предстает как вселенское существо, укорененное одновременно в конечном и бесконечном.

Философия Б.Е. Колумбаева предлагает глубокий и оригинальный ответ на вызовы современности. Возвращая человеку его космическое измерение через категорию «хроно-топоса», мыслитель утверждает, что вселенское предназначение реализуется не в экспансии вовне, а в возвышении внутрь, в «душевно-духовном самостоянии». Творчество в этой оптике предстает как высший акт жертвенной любви ко времени, к вечности, позволяющий «ничтошной точности» человека стать светящейся звездой в ойкумене мира иного. «Человек в семь раз превышает сей мир (по человечеству), приходясь на бесконечность вместе с собой в ничто - в предверии вечности?!... А это уже к бессмертию?!...» [4, с. 410].

Проблема вселенского предназначения решается, таким образом, не через указание на некую цель, лежащую в будущем, но через углубление в настоящее, через раскрытие той тавтологии, которая всегда уже есть. Вселенское предназначение не нужно изобретать или конструировать - его следует распознать в самой структуре человеческого бытия и осуществить через творчество, ведущее к мудрости.

В этом контексте итоговый тезис Колумбаева: «Антроподицея может и должна быть утопичной» [4, с. 420] - обретает глубокий смысл. Утопичность здесь не есть неосуществимость, но указание на то, что вселенское предназначение человека не может быть реализовано в порядке простой данности, но требует творческого усилия, дерзновения, выхода за пределы наличного - усилия стать тем, кто ты всегда уже есть в своей сокровенной тавтологии «Я есмь Я».

### Список литературы

1. Колумбаев Б.Е. Избранные труды: В 2 т. - Т.1. Третий человек: поиск, установление, преодоление человеческого в человеке / Под науч. ред. Б.И. Карипбаева - Караганда: Изд-во КарГУ, 2011. - 269 с.
2. Колумбаев Б.Е. К творчеству...!? Очерки творчества во вселенском предназначении человека / Под науч. ред. Б.И. Карипбаева - Караганда: Изд-во КарГУ, 2018. - 366 с.
3. Колумбаев Б.Е. Хроно-топос человека / Под науч. ред. Б.И. Карипбаева. - Караганда: Изд-во НАО Карагандинский университет им. Академика Е.А. Букетова, 2021. - 318 с.
4. Колумбаев Б.Е. Антроподицея: Монография. - Караганда: Изд-во КарУ им. акад. Е.А. Букетова, 2024. - 490 с.